

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-75-84>

УДК 130.2

ББК 87.52

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.Г. Чадаева

г. Москва, Россия

КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА Г.С. БАТИЩЕВА В ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАТИВИСТИКИ

Аннотация: В статье вскрывается специфика формирования проблемного поля отечественной коммуникативистики как области знания, включающей в себя не только совокупность подходов, принципов и методов западноевропейской теории коммуникации, но и методологические наработки отечественных исследователей: «автокоммуникацию» Ю.М. Лотмана; концепцию «диалога культур» Д.С. Лихачева; концепции диалога М.М. Бахтина и Г.С. Батищева. Философский подход к проблемам коммуникации представлен, с одной стороны, философией диалога М. Бубера и теорией коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса как представителей западноевропейской традиции коммуникативистики, а с другой — концепцией диалога отечественного философа Г.С. Батищева, прошедшего сложный путь от гуманистического марксизма до религиозной философии. Трансформация философской мысли Батищева делает советского ученого наследником русской религиозной философии, что позволяет рассмотреть проблематику философии коммуникации с более широкого духовно-нравственного горизонта русской духовной культуры. Сравнительный анализ двух подходов к философии диалога приводит автора к тому, что преодоление картезианской модели «субъект-объект» в интересующих взаимодействиях показано Батищевым через смещение фокуса внимания с субъектноцентричной западноевропейской коммуникативной парадигмы, ориентированной на «своецентризм», на интересующее смыслодеятельное поле с последующим выстраиванием субъект-субъектных отношений, основанных на приоритете «доминанты на другого» и безусловно-ценностного отношения друг к другу, как со-творчества с социогенерирующей функцией. Концепция «глубинного общения» Батищева значительно расширяет философский подход в коммуникативистике, позволяет преодолеть ограниченность западноевропейской субъектно-объектной модели и создать полноценную субъектно-субъектную систему социальных коммуникаций.

Ключевые слова: культура глубинного общения, своемерие, психо-коммуникация, онто-коммуникация, универсалии глубинного общения, деятельностный подход, антропологический переворот, картезианская модель субъект-объект, соборность, человек восходящий, креативная антропология

Информация об авторе: Анастасия Георгиевна Чадаева — кандидат культурологии, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1644-5858>

E-mail: nana91@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.07.2025

Дата одобрения рецензентами: 20.11.2025

Дата публикации: 25.03.2026

Для цитирования: Чадаева А.Г. Концепция диалога Г.С. Батищева в традиции отечественной коммуникативистики // Вестник славянских культур. 2026. Т. 79. С. 75–84. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-75-84>

Коммуникативистика как область знания возникла больше полувека назад (Communication Study, Communication Science). В России первые учебные пособия, исследования, формирующие научное поле коммуникативистики, появляются в постсоветский период. Вначале эти исследования в основном знакомили российского читателя с западной теорией коммуникации. Последняя включает в себя семь подходов к рассмотрению коммуникации: риторический, семиотический, философский, кибернетический, социопсихологический, социокультурный и критический [7, с. 72–127]. Каждый из этих подходов формирует свое понимание коммуникации: в риторическом подходе коммуникация это практическое искусство беседы; в семиотическом подходе коммуникация понимается как межсубъективное взаимодействие, опосредованное знаками; в философском — проживание иного опыта, диалог; в кибернетическом подходе коммуникация это процесс обработки информации; в социопсихологическом подходе — экспрессия, взаимодействие и влияние; в социокультурном — воспроизводство социального порядка; в критическом коммуникация понимается как дикурсивная рефлексия.

Со временем возникла потребность сформировать собственное научное поле, опираясь на труды отечественных ученых; в частности, в учебные курсы и методические пособия стали включать учение об «автокоммуникации» Ю.М. Лотмана [9,10], концепцию «диалога культур» Д.С. Лихачева [8], диалоговую культуру М.М. Бахтина [1] и т.д. Каждый из отечественных исследователей внес весомый вклад в развитие того или иного подхода теории коммуникации. Однако наиболее продуктивным для формирования самобытности и уникальности отечественной традиции в изучении коммуникации стал философский подход или философия диалога. Интерес к философскому осмыслению проблем коммуникации не случаен. С одной стороны, он опирается на богатое наследие русской духовной традиции, а с другой, связан с «антропологическим поворотом» 60 г. в истории советской философии. Период «хрущевской оттепели» открыл новые перспективы для развития гуманитарной мысли в советской России: «Где-то с середины 1960 гг. в среде гуманитарной интеллигенции — философов, историков, филологов — начинают культивироваться альтернативные диалогические подходы к осмыслению человеческой действительности в разнообразных ее проявлениях. Среди тех, кто внес свой вклад в утверждение диалогической парадигмы — философ В.С. Библер, историк культуры Л.М. Баткин; несколько позднее и со своей специфической точки зрения — выдающийся ученый-семиотик Ю.М. Лотман и др.» [2, с. 252]. Однако в наиболее оригинальном виде специфика советской традиции диалоговой культуры раскрылась в творчестве Г.С. Батищева.

Любопытно соотнести советско-русскую традицию изучения диалога с западноевропейским подходом к коммуникации. Рассмотрим теорию коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [20], который изучал межсубъектное, интересубъектное положение социальной реальности. Социально-философские изыскания Хабермаса лежат в зоне поиска коммуникативных инструментов для преодоления социокультурных

конфликтов, процессов познания и самореализации личности. Однако хабермасовский подход к коммуникации, к диалогу, не преодолевает субъектно-объектную систему координат, хотя и значительно дополняет содержание понятия коммуникативной рациональности, расширяя его через введение категории «жизненного мира». [20] Коммуникации, выстроенные в картезианской парадигме, даже с учетом поздних модификаций, все равно провоцируют ситуации, где один участник коммуникации погружает другого в поле собственной объективации.

Ограниченность в преодолении субъектно-объектной системы координат западноевропейской рациональности отражена в творчестве М. Бубера, одного из основателей диалогической философии. М. Бубер говорит о двух моделях взаимоотношений, которые могут возникнуть между людьми: «я и ты» и «я и оно» [19]. Если первый тип отношений предполагает диалог между человеком и человеком, основанный на признании другого ценным и целостным во всей его самобытности, то во втором случае другой человек является объектом для наблюдений, анализа, инструментом для использования или эксплуатации.

Среди условий для реализации модели «я-ты», наработанных за время развития философского и критического подходов западноевропейской теории коммуникации, можно выделить следующие позиции: способность к разговору как возможность войти в контакт; способность быть собеседником; адресанты должны быть самостоятельными, свободными, критически оценивающими действия друг друга; важна установка на другого; способность понимать смысл и содержание того, что происходит в любой точке разговора; умение смотреть на себя со стороны, с иной позиции, с позиции другого; опора на положительное в мыслях, утверждениях и речи собеседника; способность сопровождать внешний диалог с собеседником внутренним диалогом с самим собой и с ним, но с опережением; способность держать в поле внимания основную проблему, тему, смысл разговора во всех зигзагах диалога; способность к аргументации, к доказательству своей точки зрения; способность самокритично переосмысливать свою точку зрения, умение ценить время свое и собеседника; чувство юмора, которое необходимо для разрядки напряженности в сложной ситуации; способность держать паузу — способность содержательного или выразительного молчания [13, с. 82]. Г.С. Батищев очень точно определил такой тип интересубъектных отношений как психо-коммуникации, указывая на поверхностность и ограниченность подобного рода взаимодействий.

Однако рациональность — это не единственный камень преткновения в преодолении субъектно-объектной системы координат западноевропейской коммуникативной культуры. Гораздо более сложный и глубинный корень такой узости понимания диалога лежит в европоцентризме западноевропейского сознания. Установка на превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями в культурной сфере формируют четкое разграничение в использовании коммуникативных моделей для диалога: «я-оно» и «я-ты». Модель «я-ты» преимущественно используется в коммуникациях внутри стран Западного мира. Коммуникации на внешнем контуре чаще всего строятся по модели «я-оно».

Как советская, так и русская коммуникативные традиции в формировании интересубъективных взаимодействий не имеют ярко выраженного субъектноцентричного основания. Альтернативой последнему становится поиск имманентных форм интересубъективного существования. Одна из таких форм описана русским философом А.С. Хомяковым в работах о соборности как свободном взаимодействии людей в церковной жизни и в мирской общности, на основе братства и любви. Хомяков говорит,

что «церковь отделена от западноевропейского рационализма нравственным законом всеобщей любви» [3, с. 82].

В советский период православное мировоззрение было вытеснено марксистско-ленинским учением о построении социалистического общества, а учение о Царствии Небесном заменено политическим мифом о построении «светлого коммунистического будущего». На nive советско-марксистской ценностной парадигмы «взрачивался» новый тип личности с ярко выраженной субъектностью — «советский человек». К основным ценностным конструктам советского человека можно отнести: «коллективизм, трудолюбие, интернационализм, идеи равноправия и справедливости» [10, с. 185–187]

Рассуждения о субъекте и субъектности И. Фихте, Л. Фейербаха и К. Маркса значительно расширяют содержание этих понятий. Фихте делает акцент на основополагающем практическом, деятельностном принципе формируемой субъектности. «По Фихте, субъект — это единство действия и продукта — дело-действие», ему принадлежит волевая, конструирующая роль в мире» [12, с. 25]. По Фейербаху, отношения между человеком и природой всегда опосредованы общением с другим человеком; через совместную, коллективную, деятельность личная жизнь индивидуума соединяется с жизнью в роде. Маркс так же обращает внимание на сугубо деятельный характер субъекта, рассматривая субъектность как форму социальной активности людей, способность к реальной власти над природой и социальными силами. «Именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его родовая деятельная жизнь» [11, с. 566].

«Антропологический поворот» в советской философии и психологии 60 годов был связан с осмыслением деятельностного подхода в формировании личностного бытия советского человека как интересубъектного, раскрывающегося во взаимоотношении субъектов в процессе формопорождения. «Она (личность) не внутри единичного тела, а как раз вне его, в системе реальных взаимоотношений данного реального тела с другим таким же телом через вещи, находящиеся в пространстве между ними и замыкающие их как бы в одно целое» [6, с. 136].

В советской социальной реальности возникает форма деятельной родовой жизни с интернациональными установками. Таким образом, фокус внимания в коммуникации смещается с субъектов на межсубъектное пространство, т. е. центральной проблемой коммуникации становится не проблема коммуникантов и их влияние друг на друга, а проблема целеполагания — то, ради чего был запущен процесс коммуникации.

Философские воззрения Г.С. Батищева формируются на почве критики деятельностного подхода в понимании субъектности «советского человека». Батищев говорит, что далеко не всякая деятельность может приводить к духовному самосовершенствованию и саморазвитию личности. Деятельность «советского человека», без духовно-религиозного содержания, часто развивает такую черту как «своемерие» [14] Вершиной его философских исканий становится концепция глубинного общения, на которой мы остановимся более подробно. Уникальность этой концепции в том, что именно в ней максимально раскрыт гуманизм советской философской мысли и создана оригинальная концепция диалога, соединяющая в себе традиции советской и русской коммуникативных культур.

Г.С. Батищев в своих философских поисках прошел непростой путь от гуманистического марксизма, через увлечение идеями Н. Рериха, до религиозной философии. Определение диалога по Батищеву можно сформулировать как **«процесс со-творчества, который формирует Универсум»** [14]. Для Батищева проблема творчества это не част-

ная проблема, а проблема, затрагивающая саму сущность человека, живущего в мире культуры, в мире истории; т. е. именно через творческую деятельность личность общается к внечеловеческой действительности, к беспредметной объективной диалектике. По Батищеву, творческая деятельность, с одной стороны, междусубъектна, а, с другой, становится проводником к полноте многообразия всей Вселенной.

Батищев понимает, что для реализации выдвинутой им диалогической парадигмы социальной реальности особая роль должна быть отведена субъектам коммуникации и их подготовке к диалогу-встрече, которая Батищевым понимается как особый тип поступка, приводящий к фундаментальной трансформации смысло-жизненной доминанты личности. Исследователь В.А. Малахов вводит термин «человек восходящий» или «человек внутреннего духовного Пути», определяя модель человека Батищева. [5] Эта модель человека сильно трансформирует изначальный проект «советского человека» как деятеля-преобразователя с ярко выраженной родовой компонентой. По сути, Батищев в рамках «антропологического поворота» создает оригинальное направление, которое можно определить как «креативная антропология» [5, с. 139].

Концепция «человека внутреннего духовного Пути» могла выйти только из-под пера глубоко духовного, верующего человека, каким и был к концу своих поисков Г.С. Батищев. Завуалированная ориентированность на православную духовную традицию в соединении с этико-аксиологическим и онтологическим аспектами творческой деятельности формирует границы того пути, по которому должен идти «человек восходящий». По сути, это путь деятельного христианина, который становится со-творцом с Богом (над-адресатом), приумножает красоту и многообразие тварного Божьего мира, творчески реализовывается, находясь в постоянном духовном «росте-восхождении» и служении своему ближнему. Таким образом, постмарксистская философия Батищева это «один из вариантов русского православного любомудрия, осуществленного на языке секулярного мышления» [5, с. 136].

«Креативная антропология» Батищева содержит ряд установок, на которые должен ориентироваться «человек восходящий» в реализации своего жизненного проекта. Во-первых, **это установка на постоянное самообновление, а не на инертность в процессе своей жизнедеятельности** — это служит основанием для духовной устойчивости. «Духовная устойчивость — это не прочность упрямой и слепой самоотверженности, но непрерывность творческого самообновления, имеющую открытую в беспредельность перспективу. Значит субъект остается субъектом отнюдь не по инерции, а, напротив вопреки инерции, благодаря непрерывному самообновлению» [18, с. 136]. Во-вторых, **это установка на самопреобразование, а не своецентризм**, при котором человек остается максимально закрытым для мира, превращая последний в объект «освоения-присвоения». «Если же выбор делается решительно альтернативный, неантропоцентристский, то указанные своемерные ограничения отпадают, и тогда человек оказывается призванным к открытости, принципиально более глубокой многоуровневой» [15, с. 128].

В-третьих, это **«состояние предельного бодрствования и духовной жажды, безхитростной внемлемости, внутренней тишины»** [15, с. 320–322]. Состояние предельного бодрствования — состояние беспощадной проблематизации самого себя, своего прошлого, настоящего и будущего. Мир для креативного отношения представляет «как в себе самом незавершенный, неполный, недостроенный, и именно с позиции этого отношения субъект берет на себя обязательство и решимость строить мир дальше. Отсюда вырастает и способность к коренным новообразованиям в мире, отнюдь не ради

корыстно-человеческой пользы и не ради своемерной самооригинальности, а лишь ради диалектики вечного самосовершенствования, космогенеза» [17, с. 320–322]. В-четвертых, это **максимальная открытость многоуровневости бытия, личного и социального**. «Только отдаваясь этому огненному потоку обновления своими заповогами слоями бытия, субъект обретает возможность приобщиться к чему-то заповогау в беспредельной и неисчерпаемой действительности» [17, с. 156]. В-пятых, это **доминанта на другого**. Устремленность человека каждым своим поступком и всею жизнью не к тому, чтобы сначала требовать от других и от всего мира убедительности для себя, надежности для себя, заслуженности доверия к ним в своих глазах и т. п., но совсем напротив, — именно к тому, чтобы начать с себя ради всех других — чтобы от себя потребовать убедительности для других и для всего Универсума, от себя — надежности для других, от себя — бытия достойным и заслуживающим доверия других [15, с. 156–157].

Путь «человека восходящего» требует сверхусилий, и далеко не каждый в состоянии его осилить, поэтому культуру глубинного общения реализовывать в обыденной практике достаточно сложно. Батищев представляет две модели коммуникации: модель «психо-коммуникации» и модель «отнотокоммуникации». Под психо-коммуникациями, в отличие от онто-коммуникации, Батищев подразумевает процесс текстовых, жестовых и эмоциональных сообщений; циркуляцию (прием и передача) информации, контакты-соприкосновения.

—Частичность, фрагментарность и функционально-избирательность определяются как особенности психо-коммуникации. Коммуникаторы не стремятся полностью понять друг друга и используют в процессе общения различные социальные маски. В психо-коммуникациях нет места со-причастности, которая возможна только в правде бытия-поступка. Батищев говорит о том, что психо-коммуникации — искусство замаскировывать отсутствие реальной общности, [16] ведь в психо-коммуникации коммуниканты не раскрывают свое подлинное личностное бытие, подлинных самих себя.

В противовес онто-коммуникации — это сугубо онтологический, объективный процесс со-бытия. В отличие от психо-коммуникаций онто-коммуникация имеет скупой словарь символических выразительных возможностей, они эмоционально не перегружены, так как коммуниканты не сообщают о чем-то, но являют в процессе коммуникации самого себя [16]. (сослаться на какую-либо работу или уточнить, что имеется в виду — Батищев здесь имеет в виду, что онто-коммуникации по-сути более камерные, ориентированные скорее на внутреннюю перспективу, чем на внешние яркие, броские выражения чувств, свойственный психо-коммуникациям. Это прописано в работе культура глубинного общения, поэтому я просто дам ссылку на нее) Каждый этап такой коммуникации — всецело ценностно-ответственный, безусловный, который проникнут самоадресованностью. Он самого себя ставит под вопрос — проблематизирует себя, как возможного для другого. Именно онто-коммуникации дают наиболее полноценную практику встречи-диалога через опыт парадоксальной инаковости другого.

Батищев выделяет универсалии — необходимые установки для реализации онто-коммуникации: во-первых, это **мироутверждение** (предпочтение не себя Универсуму, а Универсума — себе, предпочтение беспредельности без всяких условий и предпочтений); это **со-причастность** каждого всем субъектам в Универсуме, и всех — каждому; это **приоритет безусловно-ценностного отношения к миру над любыми** (приоритет абсолютного над относительным, высшего над низшим, более совершенного над менее совершенным — и неукоснительное соблюдение этой смысловой иерархичности всею

жизнью и каждым целостным ответственным поступком, следовательно, всею жизнью как единым сложным поступком); **доминантность на Других** — позиция несвоемерия, позиция принципиального несвоецентризма; **предваряющее утверждение достоинства каждого другого** (принимать субъекта во всем многообразии его личного бытия, принимать во всех его возможностях быть инаковым); **это творчество как свободный дар, встречи, дар междусубъектности** — именно глубинное общение делает как сдвиг самого порога распредмечивости; со-творчество — дух полифонического сотрудничества [16, с. 126–127].

Таким образом, Батищев создает оригинальную концепцию культуры глубинного общения, совмещающую в себе традиции русской духовной культуры с постмарксистским поиском духовных оснований для формирования социальной реальности. Весь процесс коммуникации выводится в онтологическое поле, что позволяет преодолеть ограниченность западноевропейской субъектно-объектной коммуникативной парадигмы и создать полноценную субъектно-субъектную систему социальных коммуникаций.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- 2 Генрих Степанович Батищев: сб. ст. / под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2009. 333 с.
- 3 *Горелов А.А.* А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Культура и общество. 2017. №2. С. 79–97.
- 4 *Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе. М.: Высшая школа, 1987. 263 с.
- 5 *Даренский В.Ю.* Философско-антропологическая концепция Батищева: человек восходящий // Известия Саратовского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 135–139.
- 6 *Ильенков Э.В.* Философия культуры. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
- 7 *Крейг Р.Т.* Теория коммуникации как область знания // Компаративистика-III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Изд-во Социологического общества им. М.М. Ковалевского, 2003. 408 с.
- 8 *Лихачев Д.С.* Библиография трудов Д.С. Лихачева // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитар. ун-та профсоюзов, 2006. 416 с.
- 9 *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 472 с.
- 10 *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- 11 *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 700 с.
- 12 *Перевозчикова Л.С.* Становление субъектности как основополагающего принципа западноевропейской философии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. С. 253–262.
- 13 *Шалина И В.* Современная коммуникативистика: практикум: [учеб.-методич. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 128 с.

Источники

- 14 *Батищев Г.С. Найти и обрести себя // Вопросы философии. 1995. №3. С. 103–109.*
- 15 *Батищев Г.С. Не деянием одним жив человек // Деятельность: теория, методологии, проблемы М.: Политиздат, 1990. С. 317–324.*
- 16 *Батищев Г.С. О культуре глубинного общения // Вопросы философии. 1995. №3. С. 95–129.*
- 17 *Батищев Г.С. Познание и творчество // Теория познания: в 4 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2: Социально-культурная природа познания. 481 с.*
- 18 *Батищев Г.С. Познание, деятельность, общение // Теория познания: в 4 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2: Социально-культурная природа познания. 481 с.*
- 19 *Бубер М. Я и ты. М.: АСТ, 2024. 192 с.*
- 20 *Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022. 577 с.*

© 2026. Anastasia G. Chadaeva
Moscow, Russia

**THE CONCEPT OF DIALOGUE BY G.S. BATISHCHEV
IN THE TRADITION OF RUSSIAN COMMUNICATION STUDIES**

Abstract: The paper reveals the specific features of the formation of the problematic field of Russian communication studies as a field of knowledge, which includes not only a set of approaches, principles, and methods of Western European communication theory, but also methodological developments of Russian researchers: Y.M. Lotman's "autocommunication", D.S. Likhachev's concept of the "dialogue of cultures", and the concepts of dialogue by M.M. Bakhtin and G.S. Batishchev. The philosophical approach to communication problems involves, on the one hand, M. Buber's philosophy of dialogue and J. Habermas's theory of communicative action as representatives of the Western European tradition of communication studies, and, on the other hand, the concept of dialogue of the Russian philosopher G.S. Batishchev, who traversed a complex path from humanistic Marxism to religious philosophy. The transformation of Batishchev's philosophical thought makes the Soviet scholar an heir to Russian religious philosophy, which allows us to consider the issues of the philosophy of communication from the broader spiritual and moral horizon of Russian spiritual culture. A comparative analysis of the two traditions' understanding of the philosophy of dialogue leads the author to the conclusion that Batishchev demonstrated the overcoming of the Cartesian "subject-object" model in intersubjective interactions by shifting the focus from the subject-centric Western European communicative paradigm, oriented towards "egocentrism", to an intersubjective meaning-activity field, followed by the construction of subject-subject relations based on the priority of the "dominant focus on the other" and an unconditionally valuable attitude towards each other, as co-creation with a socio-generating function. Batishchev's concept of "profound communication" significantly expands the philosophical approach in communication studies enabling one to overcome the limitations of the Western European subject-object communicative paradigm and create a full-fledged subject-subject system of social communications.

Keywords: culture of deep communication, own-measurement, psycho-communication, onto-communication, universals of deep communication, activity approach, anthropological revolution, Cartesian subject-object model, conciliarity, ascending man, creative anthropology

Information about the author: Anastasia G. Chadaeva — PhD in Culturology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1644-5858>

E-mail: nana91@yandex.ru

Received: July 18, 2025

Approved after reviewing: November 20, 2025

Date of publication: March 25, 2026

For citation: Chadaeva, A.G. “The Concept of Dialogue by G.S. Batishchev in the Tradition of Russian Communication Studies.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 79, 2026, pp. 75–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-75-84>

References

- 1 Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of Verbal Creativity*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
- 2 *Genrikh Stepanovich Batishchev: sbornik statei* [*Genrikh Stepanovich Batishchev 2009: Collection of Articles*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 333 p. (In Russ.)
- 3 Gorelov, A.A. “A.S. Khomiakov: uchenie o sobornosti i russkaia obshchina” [“A.S. Khomyakov: The Doctrine of Conciliarity and the Russian Community”]. *Kultura i obshchestvo*, no. 2, 2017, pp. 79–97. (In Russ.)
- 4 Gurevich, P.S. *Propaganda v ideologicheskoi borbe* [*Propaganda in the ideological storm*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1987. 263 p. (In Russ.)
- 5 Darenskii, V.Iu. “Filosofsko-antropologicheskaiia kontseptsiiia Batishcheva: chelovek voskhodiashchii” [“Batishchev's philosophical and anthropological concept: ascending man”]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, Series: Filosofiiia, psikhologiiia, pedagogika [Philosophy, Psychology, Pedagogy], vol. 17, no. 2, 2017, pp. 135–139. (In Russ.)
- 6 Illenkov, E.V. *Filosofiiia kultury* [*Philosophy of Culture*]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 464 p. (In Russ.)
- 7 Kreig, R.T. “Teoriiia kommunikatsii kak oblast znaniia” [“Communication Theory as a Field of Knowledge”]. *Komparativistika-III: Almanakh sravnitelnykh sotsiologumanitarnykh issledovaniia 2003: sbornik statei* [*Comparative Studies-III: Almanac of Comparative Social and Humanitarian Research 2003: Collection of Articles*]. St. Petersburg, M.M. Kovalevsky's Sociological Society Publ., 2003. 408 p. (In Russ.)
- 8 Likhachev, D.S. “Bibliografiia trudov D.S. Likhacheva” [“Bibliography of Likhachev's Works”]. *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi culture* [*Selected Works on Russian and World Culture*]. St. Petersburg, Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2006. 416 p. (In Russ.)
- 9 Lotman, Iu.M. “O dvukh modeliakh kommunikatsii v sisteme kultury” [“On Two Models of Communication in the Cultural System”]. *Stati po semiotike i tipologii kultury* [*Articles on Semiotics and Typology of Culture*]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992. 472 p. (In Russ.)

- 10 Lotman, Iu.M. *Semiosfera* [*Semiosphere*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
- 11 Marks, K., Engels, F. *Iz rannikh proizvedenii* [*From Early Works*]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956. 700 p. (In Russ.)
- 12 Perevozchikova, L.S. “Stanovlenie subieektnosti kak osnovopolagaiushchego print-sipa zapadnoevropeiskoi filosofii” [“The Emergence of Subjectivity as a Fundamental Principle of Western European Philosophy”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstven-nogo universiteta*, Series: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia [Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, 2008, pp. 253–262. (In Russ.)
- 13 Shalina, I.V. *Sovremennaia kommunikativistika: praktikum* [*Modern Communica-tion Studies: A Workshop*]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2016. 128 p. (In Russ.)